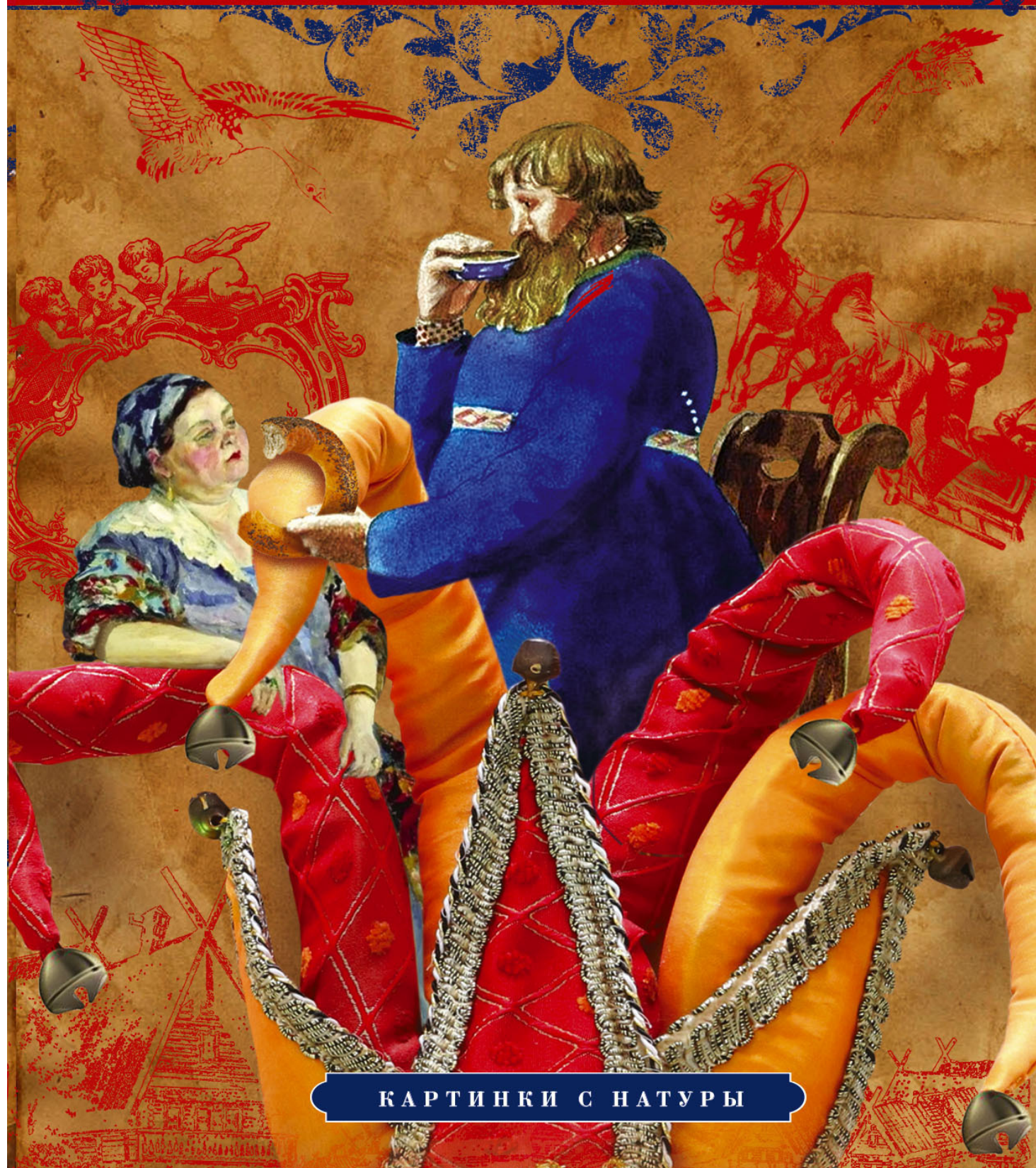

Д. Е. Р. Н.

Николай

шуты гороховые

КАРТИНКИ С НАТУРЫ

Николай Лейкин

**Шуты гороховые.
Картинки с натуры**

«Центрполиграф»

1879

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

Лейкин Н. А.

Шуты гороховые. Картинки с натуры / Н. А. Лейкин —
«Центрполиграф», 1879

ISBN 978-5-227-09740-8

В этом сборнике рассказов перед читателем предстает парад мест, событий, действующих лиц и ситуаций, характерных для конца XIX века и изображенных в свойственном известному сатирику-классику Н.А. Лейкину ироническом ключе. Во всем можно найти смешную сторону, и все люди, можно сказать, шуты гороховые, если взглянуть с определенного угла, а герои зарисовок-наблюдений автора-юмориста – так уж точно. Однако рассказы отнюдь не однобоки, они не демонстрируют только веселые и до смешного неприглядные стороны человеческой натуры, но и показывают грустные, лирические сцены. Как в прошлом, так и теперь жизнь на удивление многогранна, и творчество Н.А. Лейкина в полной мере раскрывает ее разносторонность

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-227-09740-8

© Лейкин Н. А., 1879
© Центрполиграф, 1879

Содержание

Парадный обед	8
У судебного следователя	15
Приемный час редактора	17
У доктора	19
На Фонтанке	21
Перед праздниками	23
Канун Пасхи	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ

Николай Лейкин Шуты гороховые. Картинки с натуры

*Парадный обед
У судебного следователя
Приемный час редактора
У доктора
На Фонтанке*

и другие рассказы

КАРТИНКИ С НАТУРЫ

© «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

Парадный обед

У купца Амоса Потапыча Семишкурова подтасовались сразу три радости: Станислава на шею получил «за благочестие и позлащение иконостаса», дом новый окончил постройкой и переехал в него на новоселье, заняв «под себя» большое помещение и заново обмелировав его.

– Довольно лаптем-то щи хлебать, можно и порасшириться... Слава богу, на наш век теперь хватит! – сказал он жене и порешил все эти три радости праздновать парадным обедом, подогнав его к 17 сентября, к именинам жены.

Прежде всего, решено было угостить «нужных» людей. Гости приглашались с разбором и «кто почище», но так как приглашением нельзя было обойти близких родственников и из серого купечества, то их приглашали с тонким внушением.

– Милости просим, – говорил им Семишкуров. – Только смотрите: обед парадный будет. Наш приютский генерал обещался быть и, окромя того, некоторые финансовые лица; из банков. Хочу по-модному устроить и чтобы с речами. Голого пьянства не будет, а все как по-благородному... потому неловко, осудить могут.

– Да мы нешто только из-за одного пьянства?.. – пробовали обижаться родственники.

– Нет, я так, к слову... Иной сейчас нажрется винища и в ссору полезет. Разные тоже бывают. А зачем это?

Выпил по малости, да сиди и слушай, что умные люди говорят.

– Ну вот, учи еще! Что ж, у тебя калегварды будут играть?

– Зачем? Коли речи, так калегвардов не надо. Нынче эта музыкальная горлопятина за обедами уж не в моде, особливо ежели кто в своем собственном доме, а не в ресторане... Так милости просим, господа!

– Придем.

Обед стряпал «француз», сервировка была отличная, меню на атласной ленте, с вензелевым изображением имени хозяина дома и под короной. Французу вменено было в обязанность, чтобы в числе кушаний была непременно подана коза с позолочеными рогами и чтобы на стерляди стояли раки на шпагах, и чтобы «корякой».

– Как в графских домах... – прибавил хозяин.

Гостей звали на обед ровно в пять часов, а гости-купцы, по купеческой замашке, начали собираться только в шестом часу. Приютский генерал приехал первым, а вторым пришел приходский протопоп в светло-синей шелковой рясе. Хозяина несказанно опечалило, что генерал был без ленты, а только со звездой на фраке. Хозяин долго тряс ему руку и не утерпел-таки, чтобы не сказать:

– А я полагал, ваше превосходительство, что вы меня во всем параде осчастливите.

Генерал понял, в чем дело, и улыбнулся.

– В лентах, мой милый, Амос Потапыч, только на парадные обеды принято ездить, – любезно отвечал он и потрепал хозяина по плечу.

– Помилуйте, да ведь у меня сегодня парадный обед и есть. Ведь я двадцать лет верой и правдой грош к грошу приколачивал, чтобы дом-то выстроить. Наконец, через ваши же руки такое благоволение... – прибавил хозяин и поправил орден на шее. – Я даже полагал сегодня наш приютский мундир надеть, да так уж... Надеюсь, ваше превосходительство, что вы уж хоть осчастливите меня за обедом несколькими теплыми словами от души?

– Обеденных речей я вообще не говорю, но для моего почтенного и многоуважаемого...

– Премного вами благодарен, ваше превосходительство! – снова потряс хозяин руку генерала.

Протопоп расчесывал гребнем волосы, косился на приготовленную закуску и говорил:

– Поздненько у вас, драгоценный Амос Потапыч, к обеду гости-то съезжаются. Словно якобы вы на акриды и дикий мед звали, но, судя по трапезе, нужно предполагать противное сему.

– Да ведь что же вы поделаете с нашим купеческим невежеством! Мало еще нас в газетах хлещут! Звал к пяти, а они по своему серому понятию такие мысли содержат, что, мол, чем позднее, тем лучше: придешь, мол, рано, так словно даровой еде обрадовался, – пояснил хозяин.

Влетел пристав из участка, в мундире и густых эполетах.

– С монаршею милостью, с новосельем и с именинницей! – заговорил он, потрясая руку хозяина. – Гнал, гнал кучера, думал, что уж опоздал, а оказывается...

Пристав обвел глазами комнату.

Вошел известный всему Петербургу маленький финансовый еврей, с подстриженной бородкой на обезьяньем лице и с оскаленными зубами. Хозяин опрометью бросился к нему и стал потрясать его руку.

– Некрещеный? – тихо спросил один купец другого.

– Некрещеный.

– А ловко ли православным христианам с ним за одною трапезой?.. Уже и Амос Потапыч тоже!.. Человек благочестивый, и вдруг... Смотри, с отцом протопопом кланяется!

Хозяин то и дело посматривал на часы. Было почти шесть. Гости собирались, но вяло.

– Господи! Что ж это какой беспорядок! Зовешь к пяти, и вдруг такое продление? – всплескивал он отчаянно руками. – Господа, пожалуйста закусить пока... А тем временем, может быть, и соберутся, – прибавил он. – Батюшка, благословите трапезу и начните вместе с его превосходительством. Исаак Соломонович, прошу покорно! – обратился он к финансовому еврею.

Отец протопоп благословил и, придерживая левою рукою рукав рясы, правою взялся за графин с водкой. Купцы стали подходить к закуске. Были и фрачники, были и сюртучники. Все внимание сюртучников было обращено на финансового еврея.

– Смотри, смотри, – шептали они, – водку благословенную пьет, а колбасы не трогает. Вон сардинку взял... икру ест.

– По ихней жидовской вере колбасу ежели или ветчину – беда! Сейчас нужно к своему попу в синагогу бежать, чтобы рот святить. У них строже нашего. Поп поставит в угол и заставит целый день бормотать без удержу жидовские молитвы.

Водка оживила гостей. Начался громкий говор. Хозяин подбежал к купцам фрачникам.

– Господа! – сказал он. – Генерал за обедом будет речь говорить, так уж жарьте и вы после него. «В настоящее, мол, время, когда мы все собрались вкупе...» Ну, и так далее... Петр Федорович, ведь в думе же иногда произносите! Наконец, я и в обществе взаимного кредита слышал, как ты резал. Чего отставать от людей? Современности надо подражать.

От купцов-фрачников хозяин перебежал к сюртукам, взял под руку какую-то клинистую бороду и отвел в сторону.

– Сидор Пантелеич, генерал будет уже речь говорить, так уж, пожалуйста, не перебивай его. Я тебя знаю. Ты, как выпьешь лишнее, сейчас и закричишь не вовремя «ура!». Лучше в порядке...

Гость обиделся.

– Коли хочешь, так я и за стол не сяду. Важное кушанье – твой генерал! Видали мы!

– Не кричи! Я тебя честью прошу. А насчет стола зачем же? Ежели бы я не хотел, то и не звал бы тебя. Ну, полно кочевряжиться! Я ведь по-приятельски...

Четверть седьмого сели за стол. Хозяин старался сажать гостей «по ранжиру». Протопопа посадил по правую руку от себя, финансового еврея – по левую. Генерала поместил напротив. Рядом с генералом села хозяйка.

– Так вы, ваше превосходительство, во всякую минуту и будете мелькать перед моими глазами, а я буду наслаждаться приятным лицезрением вашей персоны, – сказал хозяин.

Сюртукам и гостям «попроще» отвели места на концах стола. Те все еще продолжали интересоваться «жидом».

– Эх, нехорошо со стороны Амоса Потапыча. На старости лет и вдруг этикие штуки! – говорил кто-то. – Человек он богобоязненный, еще недавно иконостас позолотил, владыке лично известен, и вдруг протопоп вместе с жидом сажать! Нешто это можно?

– Видно, можно. Ведь протопоп-то сам знает и к стулу не привязан, – пробовали возражать.

– А может быть, он введен в заблуждение и полагает, что это крещеный жид.

Сначала за столом было все чинно. Слышались удары ложек о тарелки. Протопоп два принимался рассказывать хозяину, что такое «акрида» и сподвижническая верига, привел пример из Иова многострадального, но хозяин его не слушал и все обращался к генералу:

– Ваше превосходительство – мадерки! Я перед вами нарочно особенную бутылку поставил. Благоволите пригубить. Это мадера дорогая.

– Выпью, выпью, – отвечал генерал и разговаривал с хозяйкой. – Мать – великая вещь! – говорил он. – Главная задача матери заключается в воспитании молодого поколения, в передаче нравственных идей, так сказать, в гуманном...

– Только и трудно же, ваше превосходительство, с детьми, – перебивала его хозяйка. – Шалят уж очень. Верите ли, иногда все руки обхлещешь об их головы...

Финансовый еврей, наклонясь к хозяину, шептал:

– Цветник женского пола хотя и невелик у вас за обедом, но блистает прекрасными женщинами. Я всегда люблю иметь большое любование на женщин русских купцов. Здоровье и самый лучший свежесть... так, что даже благоухание... О, русские купцы имеют свой вкус!

– Кормим мы их хорошо, Исаак Соломонович, забот у них нет, вот они и толстеют у нас, – отвечал хозяин. – А тут у нашего брата, как иногда платежи подспеют, а в руках чужих векселей куча, да не знаешь, куда их деть, так до жиру ли? Банковский кредит насчет дисконта, сами знаете, везде нынче сокращен. Я вот вас хотел попросить... Ну, да после!

– После, после... – согласился финансовый еврей и любезно оскалил зубы на какую-то рыхлую и красивую купеческую даму.

– За здоровье именинницы! – возгласил басом горластый официант над самым ухом генерала, так что тот даже вздрогнул.

Все подняли бокалы и обратились к хозяйке. На концах стола задвигали стульями и шли поздравлять ее. Там же забили ножами в тарелки, и кто-то крикнул «ура!», но оно не было подержано. Хозяин как-то жалобно взглянул на шумящих гостей и замахал им руками, дескать: «Тише, господа!»

– Ваше превосходительство! Почтите радостными словесами-то! – умильно обратился он к генералу.

– После, после... – успокаивал его тот. – Еще будет время. Но я бы попросил вас, многоуважаемый Амос Потапыч, приказать официанту не провозглашать тостов. Мы сами их провозгласим. А то этот оперный бассо про-фондо над самым моим ухом...

Официанту было запрещено кричать. Понесли рыбу. На концах стола делалось все шумнее и шумнее. Хозяин то и дело посматривал туда, опасаясь скандала. Он не пил, не ел от волнения.

– Ваше высокопреподобие! – кричал какой-то купец через весь стол священнику. – В котором году у нас была первая холера?

Но тут генерал встал с места и поднял бокал.

– Господа! Я предлагаю выпить за здоровье нашего досточтимого Амоса Потапыча! – произнес он.

Тут уж гости не выдержали, застучали стульями, забили в тарелки, закричали «ура!». Все лезли чокаться с хозяином, но тот не внимал и умильно смотрел на генерала.

Взор его изображал просьбу. Генерал понял, потер лоб и начал откашливаться. «Тс!» – послышалось со всех сторон. Генерал начал:

– «Concordia res parvae crescunt» – вытиснена надпись на голландском червонце, и мы всегда должны ее памятовать...

– Это верно! – откликнулся с конца стола совсем уже захмелевший купец с бородой клином, тот самый, которого хозяин предупреждал не прерывать речи.

Ему зашикали. Генерал нахмурился и повторил:

– «Concordia res parvae crescunt...»

– А по-каковски это? – не унимался купец.

– Имейте же, наконец, уважение к прениям! – крикнул совсем уже вышедший из себя хозяин.

Генерал и сам бросил молниеносный взгляд на конец стола, но продолжал:

– Эту надпись должны мы памятовать все до единого. Перед нами простой русский семейный человек, вышедший из народа. Я говорю о достопочтенном Амосе Потапыче, нашем любезном хозяине. Он, в поте лица съедая свой хлеб, выстроил свой дом из крох, падающих со стола его трудовой трапезы... – По лицу хозяина текли слезы. Он протянул через стол свою руку и крепко пожал генеральскую руку. – Вы видите роскошные палаты, полную чашу домовитости, зеркал и бронзу, хрусталь и фарфор, серебро и золото... – вдохновлялся генерал.

– Божие милосердие... – подсказал протопоп, умильно качая в такт головой, но хозяин дернул его за рукав рясы.

– Да... Божие милосердие, украшенное драгоценными камнями. Одним словом, мы созерцаем рог изобилия, сыплющий свои дары в руки достойного. Я потому говорю «достойного», что он не лежит на своих богатствах, как Кощей, а уделяет их от щедрот своих и сирым, и неимущим. Ежегодно вносит он в наш приют известную сумму...

– Небось не вносил бы, кабы приютского мундира не позволили носить! – опять послышался чей-то довольно громкий возглас, но на него не обратили внимания.

– Но, не довольствуясь ежегодным взносом, он еще недавно позолотил иконостас на свой счет, – говорил генерал. – Да... позолотил. Вначале я упомянул о доме. Но не в роскоши сила, сила в семейном согласии. В нем и счастье. Амос Потапыч пользуется этим счастьем, сплотившись в своей многочисленной семье, среди чад и домочадцев. Поэтому-то я и начал свое краткое приветствие латинскою цитатой «Concordia res parvae crescunt». Пожелаемте же ему того счастливого согласия и в новоотстроенном доме, каковым он пользовался на своем старом пепелище, а щедрая Фортуна посылет на него богатство своим чередом. Но важнее согласия здоровье, а потому выпьемте за здоровье Амоса Потапыча!

Раздалось «ура!». Хозяин рыдал от умиления, полез через стол обнять генерала и уронил бутылки. Вино пролилось на скатерть. Гости вскочили из-за стола и лезли к хозяину целоваться. Потрясали и руки генерала.

– Качать его! Качать! – кричали гости, но недоумевали, кого качать – хозяина или генерала, а потому схватили на руки обоих и начали подбрасывать.

– Довольно, господа! Довольно! – кричал генерал.

Кой-как все усьелись. Официанты понесли жареную козу.

Встал хозяин и обратился к генералу:

– Ваше превосходительство, Аристарх Никодимыч! В голове моей много чувств, но грудь моя не находит слов, дабы высказать вам благодарность, так как вы осчастливили меня, простого человека, своим присутствием и осчастливили радостными словами веры, надежды и любви в сей день, 17 сентября. Я уповаю и впредь поддерживать сирот под вашей администрацией, но пуще всего буду стараться очищать наше серое купечество от азиатского невежества

и, как простой русский славянин из Ярославской губернии, буду им подавать пример пути к Европе. А с вашей стороны молю о поддержке и поощрении, так как мы учены на медные деньги и все, что по своему образованию чувствуем, до цивилизации своим умом дошли. Дорогие гости! Выпьемте за здоровье драгоценного Аристарха Никодимыча!

Опять движение стульев, опять «ура!». Гости шли чокаться с генералом.

– Ай да господин Семишкуров! Какую вы хорошую речь держали! Bravo! Bravo! – тихо аплодировал хозяину финансовый еврей.

Хозяин самодовольно улыбнулся.

– А теперь вы, Исаак Соломонович, скажите, – упрашивал он еврея.

– Нет, нет, я никогда не говорю. Я только слушаю, – качал тот головой и скалил зубы.

– Нельзя этому быть-с. Мы вас заставим. В чужой монастырь со своим уставом не ходят, а у нас сегодня обед европейский и с речами.

Но в это время поднялся с места протопоп, и хозяин замахал руками и зашикал, давая знать, чтобы шум умолк.

– Достопочтенные сотрапезники! – начал протопоп. – Я не предлагаю тоста за здоровье хозяина, ибо он искренно уже был предложен его превосходительством, но хочу в свою очередь изречь краткое приветствие именитому коммерсанту. Благочестивый купец Амос Потыч, ревнитель храмов Божиих, подпора вдов и сирот, столп верующего семейства! Следуя по пути цивилизации, который ты предначертал себе, молю об одном: не поддайся ты веянию вредного нигилизма, да не коснется эта тлетворная гидра твоего сердца и да останешься ты тем же ревнителем и столпом, которым был доселе, радея храму Божию и принося посильную лепту свою на пропитание вдов и образование сирот в духе христианства!

Протопоп кончил. «Ура!» раздалось на концах стола. Там думали, что опять пьют за чье-нибудь здоровье. И оно, пожалуй, было уже кстати, так как хозяин, отблагодарив протопоба троекратным целованием, кричал:

– Господа! Выпьемте теперь за здоровье высокочтимого отца Иоанна!

«Ура!» стояло в воздухе. Гости снова повскакали с мест. «Качать! Качать!» – слышались возгласы, трое подскочили уже к протопопу, но хозяин остановил их и загородил собой священника.

– Братцы, духовную особу нельзя качать! – строго сказал он. – Он пастырь и рукоположен...

Гости оставили его, но на места не садились. К супругам подошел раскрасневшийся от вина седоватый купец и, растопырив руки, забормотал:

– Мы хоть и по части мусорного очищения подрядным делом занимаемся, а речь сказать все-таки можем и даже сразу обоим в жилу попадем. Плодитесь и размножайтесь!

Купец поклонился и, оборотясь к генералу, спросил:

– Правильно я, ваше превосходительство?..

– Верно, верно, старина! – одобрительно потрепал его тот по плечу.

Польщенный купец схватил его руку и, потрясая, произнес:

– И вас также высоко ценим! Вы вот нами не гнушаетесь по своему чину, а мы это чувствуем.

Обед приближался к концу. Было шумно. Тосты предлагались за кого попало и кем попало. На иные из них не обращали уже внимания. Вдруг хозяин вспомнил, что не пили за здоровье финансового еврея, а он «человек нужный». Его даже ударило в жар от такой опрометчивости, но он нашелся, как поправить дело.

– Господа, я прошу слова! – крикнул он.

– Silentium omnibus! – шутливо протянул хозяину в тон отец протопоп.

– Господа, я предлагаю выпить за здоровье трудолюбивого и почтенного Исаака Соломоновича! – продолжал хозяин. – Но да не обидится он, что мы пьем его здоровье в конце парадного обеда. Остатки всегда сладки. Выпьемте!

Тост был принят холодно, но некоторые все-таки повскакали из-за стола и лезли чокаться с евреем. Тот расцеловался с хозяином «по-русски», как он говорил, то есть троекратно и со щеки на щеку, а гостям, как вербный алебастровый заяц, учащенно кивал головой, шурился и любезно скалил зубы.

– Смотри, с жидом целуется! Ах, старый пес! – довольно громко заметил про хозяина один купец другому.

Хозяин стал просить финансового еврея сказать какую-нибудь речь. Тот и решился было, ибо хотел сгладить ею свое неловкое положение, встал с места и только начал:

– Я прошу извинения, что, так как я не славянин, то и не могу иметь и хорошего разговора по-русски...

Как вдруг кто-то перебил его и во все горло заорал:

– За здоровье пристава, так как они наши защитники!

Большинство забило ножами в тарелки. Пристав раскланивался, а финансовый еврей сел и уже наотрез отказался продолжать речь.

– Я не умею, я не умею... Да и не время теперь... – бормотал он, сконфуженный.

Хозяин был взбешен и даже побледнел от злости.

– Вот, ваше превосходительство, какое еще у нас в купечестве безобразие среди всей цивилизации! – отнесся он к генералу.

Тот только пожал плечами, закатил глаза под лоб и наклонился к хозяйке с каким-то вопросом.

– Исаак Соломоныч! Бога ради, простите вы им их серое невежество! – твердил хозяин и тряс руку финансового еврея. – Ну, что на них обижаться? Ведь пьяные...

– Я ничего... Я ничего... – отвечал еврей и поправлял свои очки.

– Господа, я прошу слова! – раздался возглас, и с места поднялся солидный купец во фраке и с подстриженной бородой.

Это был гласный из думы, но в думе никогда не говоривший. Здесь он вздумал себя попробовать. Вино развязало ему язык.

– Как славянин с матушки широкой Волги, поительницы и кормилицы нашей, я хочу вспомнить о другом славянском единстве, находившемся долгое время под игом турецкого зверства, и обратить ваш взор на храбрых герцеговинцев и черногорцев. В то время, когда мы здесь бражничаем за роскошными яствами пресыщения плоти, там, на синем Дунае, катящем свои волны под шум деревьев, может быть, сидят голодные и холодные младенцы и обильные слезы текут по их челу со скорбью на устах...

Фрачного купца сначала слушали со вниманием, но после этих слов какой-то сюртучник замотал головой и крикнул:

– Это насчет пожертвования? Знаем! Сами семерых собирать послали.

– Простремте руку помощи! – ораторствовал фрачный купец. – Рука дающего не оскудевает и в щедрую десницу воздастся вам сторицею!

В это время за обедом кончали уже мороженое. Гости, увидав, что оратор полез в бумажник и, вынув три рубля, положил их на тарелку, задвигали стульями и стали выходить из-за стола.

Хозяин и сам был доволен, что обед уже кончился.

– Уж извините, чем богаты, тем и рады! – раскланивался он на все стороны и, подойдя к генералу, сказал: – Не обессудьте, ваше превосходительство! Думал завести обеденную механику по-европейски, а некоторые места вышли по-скотски, так что большой конфуз от моих гостей имею.

Он отчаянно развел руками.

– Ничего, ничего. Все было хорошо, все было прилично! А ведь в семье не без урода! – отвечал, улыбаясь, генерал и, заключив Амоса Потапыча Семишкурова в свои объятия, расцеловал его.

Фрачный купец стоял у стола с тарелкой в руках, но гости всячески старались обходить его.

У судебного следователя

Окружной суд. Общая приемная судебных следователей. 11 часов утра. Пусто. Вызванные свидетели только еще собираются. На одной из скамей сидит мужик, громко вздыхает и вертит в руках повестку, на другой лежит сторож, завернувшись в солдатскую шинель, и по временам кряхтит, на третьей, как раз против сторожа, помещается старичок в плохеньком теплом пальто с кошачьим воротником. Старичок в серебряных очках то и дело нюхает табак. Судебный следователь еще не приходил. С лестницы в открытую дверь слышны чьи-то гулкие шаги.

– Должно быть, сам идет, – говорит сторож и подымается со скамьи.

Мужик и старичок откашливаются, но вместо следователя входит баба в синем суконном кафтане и цветном платке. За пазухой у нее грудной ребенок. Она подает сторожу повестку. Тот вертит повестку в разные стороны, смотрит в нее и говорит:

– Не приезжал еще. Дождитесь своего термину.

Опять молчание. Сторож жмется, кутается в шинель и пристально смотрит на старичка.

– Да вы не доктор будете? – спрашивает он его ни с того ни с сего.

– Нет, мы табачники. Табачную на Петербургской держим... – отвечает старичок.

– Так! А я по очкам-то думал – доктор. Знобит вот все, ну, и живот вертит... Как подхватит это в поясах – беда!

Опять шаги. Входит купец в лисьей шубе и ищет по углам образа, чтобы перекреститься, но, не найдя их, останавливается перед сторожем.

– Бога-то и нет у вас. Чудесно! А мы к судебному следователю, – говорит он и сует сторожу повестку. – Не разберешь ли, земляк, по какому делу?

– Мы неграмотные.

– Неграмотные. Чудесно! Да тут и не обозначено. А я думал, не известны ли вы так, понаслышке. Изволите ли вы видеть, мы басонщики...

– Не являлся еще следователь-то, – ввязывается в разговор старичок.

– Не являлся? Чудесно! Значит, обождем... Три дня в сумнении ходим. Верите ли, даже по ночам пугаюсь, потому в неизвестности. Теперича, изволите видеть, на Масленице маленько чертили грешным делом, так мало ли что во хмелю может случиться... Звезданешь кого ни на есть в ухо, а ему увечье. Где же все упомянуть...

– Нет, вас в качестве свидетеля вызывают, – утешает его старичок, заглядывая ему в повестку, – значит, не вы обвиняетесь, а не видали ли что, не слышали ли.

– Да ведь мало ли что в пьяном образе видишь! Увидал драку, ну, и ввязался. Бац в нюхало или едало – ну, и виновен. Мало ли каких прокламаций бывает!

– Нет, уж насчет себя вы успокойтесь. Это насчет других опрос будет.

– Насчет других? Ну, значит, чудесно! Теперь как гора с плеч! А жена пошла даже молебен служить... Вчера на целковый свечей одних поставил... Смучился даже... На еду не тянет... Хочешь щец хлебнуть, ан и ложка в рот нейдет, потому мало ли что... Мы люди мастеровые, так как в басонстве состоим, драки у нас этой самой пропасть! Иной раз как саданешь!..

В приемную входит чиновник с орденом на шее. Лисья шуба умолкает.

– Куда пройти к судебному следователю 00 участка? – грозно спрашивает он сторожа.

– Не являлся еще, ваше высокоблагородие... Потрудитесь обождать...

– Обождать! На одиннадцать часов вызывает, а еще и самого нет! Нечего сказать, порядки!

Чиновник садится. У бабы начинает плакать ребенок. Она вскакивает и начинает бегать с ним по приемной, стараясь его унять. Ребенок не унимается. Гулко и звонко раздается его рев. Баба силится перекричать его. Она поет и жужжит над его ухом. Чиновник морщится.

– И зачем это только сюда с ребятами пускают! – восклицает он. – Здесь присутственное место...

– Это вы, ваше благородие, действительно... Детскому сословию здесь не место, потому самая крикливая нация, – откликается купец.

Но баба уже воеет над ребенком, а тот так и заливается...

– Эй, тетка, ребенка-то бы следовало дома оставить, – продолжает он.

– Да не на кого, голубчик, не на кого. Неужто бы я на себя такую муку взяла? – отвечает баба. – Мы, прачки, изволите ли видеть... Все наши бабы на реку белье полоскать ушли...

– Белье полоскать ушли! Дура! Неси сюда ребенка-то. Вот их высокоблагородие пугнет его хорошенько, так авось он тогда уймется. Пугните его, ваше высокоблагородие, вашим страшным обликом. Это иногда помогает... Рывкните на него хорошенько!

– Послушайте, да вы в уме? – произносит чиновник и хочет встать, но баба уже подошла.

– Смотри-ка, дядя-то какой страшный! Бука! Смотри-ка, нос-от какой у него! У! – говорит она ребенку. – А глазищи-то какие зеленые! Глазищи-то! Потереби его за нос, потереби. Скажи: «Дядя бяка!»

Чиновник выходит из себя.

– Послушайте! Это, наконец, невежество! – кричит он.

– Господин судебный следователь! – возглашает сторож.

Приемный час редактора

Хорошо меблированная комната. Письменный стол посередине. По стенам полки с книгами. На полу валяются изрезанные газеты. У окна другой стол. За одним из столов сидит секретарь редакции и что-то пишет. Сам редактор, заткнув перо за ухо, ходит по комнате и чешет затылок. На лице дума.

– Ах, Михаил Иванович, – обращается он к секретарю, – я вот все хотел вас попросить, не составите ли вы корреспонденцию из Рагузы? Герцеговинцы теперь – такой модный животрепещущий вопрос, а у нас об них только одни перепечатки. Ну, возьмите там что-нибудь из газет... Любобратич, Восьмибратич... Выберите по карте какое-нибудь местечко... Упомяните о стычке, обозначьте побольше число раненых и убитых турок... Ну, о невежестве коснитесь... Знаете, по общему шаблону... по трафарету... Поняли?

– Ну, еще бы... – отвечает секретарь.

– Да напишите в скобках: «от нашего собственного корреспондента». Хорошо бы упомянуть о какой-нибудь девушке, похищенной в гарем. Придумайте ей имя попоэтичнее. Насчет раненых пройдитесь... обругайте австрийских докторов... Пожалуйста!

– С удовольствием...

Секретарь садится. Входит юный армейский офицер. В руках у него сверток, обвязанный розовой лентой.

– Мне бы господина редактора видеть... – робко говорит он.

– Я редактор. Что вам угодно?

– Пользуясь отпуском и находясь временно в Петербурге, я вам принес стихи, которые бы желал напечатать... Это, так сказать, досуг моего деревенского уединения... Мы в деревне стоим, так, от скуки... Я и прежде вам присылал несколько раз, но почему-то не удостоился... Теперь я привез целую тетрадку. Тут комические есть, трагические, но больше любовные...

Офицер развязывает ленту и передает редактору тетрадку, исписанную самым лучшим писарским почерком. Редактор начинает перелистывать. Попадаются заглавия: «К ней», «К ее бантику на лебяжьей груди», «К ее алькову», «Маше», «У ее изголовья», «В кустах». В глаза бросаются стихи:

Скажу в глаза и за глаза:

Чиста, чиста твоя слеза,

Ползет на девственных ланитах,

Как бы отшельник непорочный в скитах...

– Извините, мы этих стихов не можем напечатать, – говорит редактор и отдает рукопись.

– Отчего же? Вы прочтите, тут есть разные...

– Неудобно.

– Отчего же, помилуйте! Стихи, кажется, самые удобные. Тут есть и большие, и маленькие... Есть даже двестишесте, посвященное нашему адъютанту:

Твержу я целый век:

Ты благородный человек.

– Эти стихи не подходят к программе нашего издания.

– Отчего же не подходят? Вы попробуйте напечатать, так, может быть, и подойдут.

– Извините, они неудобны для нас...

– Странно... Разве вы не можете объяснить, почему неудобно?

– Редакция не дает объяснений.

– Еще более странно!

Офицер берет рукопись и уходит. Входит купец с клинистой бородкой.

– Что вам угодно?

– Мы насчет тещи. Тещу бы нам отчехвостить хорошенечко, – отвечает он визгливым голосом.

– То есть как это? – спрашивает редактор, еле удерживая смех.

– В статейке продернуть... Такая бестия навязалась, доложу вам... Извольте видеть, мы шорники будем и в прошлом году на ейной дочери женились... И взяли их как есть за одну их красоту, ну, и тещу эту самую... потому они при своем вдовстве железом торговали. Капиталов никаких... Божие милосердие было, небель... Теперича мы их сгоняем с квартиры, потому каторга от них, а не жизнь, а оне небель назад требуют. «Я, – говорит, – шесть пудов одной медной посуды с собой принесла, окромя трех самоваров». Насчет перин и подушек Господь с ней... а медная посуда – сами знаете... Тут у меня в жалобе все как следует объяснено... Пожалуйте! Нельзя ли, ваше высокородие, так ее отчехвостить, чтоб до новых веников не забыла!

Редактор в недоумении.

– Помилуйте, какая жалоба! Здесь не квартал...

– Ах, господи! Что будет стоять, мы за ценой не постоим... Только бы ее попугать хорошенько...

– Обратитесь к мировому судье...

– Мы это знаем-с... А все-таки хотелось бы нам пробрать ее в газету на обе корки. Теперича мне даже в пищу всякую дрянь подмешивает.

– Извините, это не наше дело...

– Ежели у вас лошадки, мы бы вам хомут или седло с нашим удовольствием... Ремни, гужи какие...

– Ничего не могу сделать...

– Так нельзя отбарабанить?

– Нельзя-с...

– А жаль! Прощенья просим!

У доктора

Роскошно убранный кабинет. Доктор принимает пациентов.

– Номер первый, пожалуйста! – восклицает лакей.

В кабинет входит молодая дама и кланяется. Доктор вопросительно смотрит на нее. Она потупляет глазки и молчит.

– Прошу покорно садиться, сударыня, и объясните мне, пожалуйста, чем вы страдаете?..

– Я к вам не за тем, – робко отвечает дама. – Я ничем не страдаю.

– Но позвольте вас спросить, что же у вас болит?

– Ах, ей-богу, я не знаю... Мне стыдно сказать...

– Сударыня, как перед врачом в кабинете, так и перед священником на духу нет секретов.

– Нет, нет, никак не могу!..

– Покажите ваш прелестнейший язычок...

– Ах, оставьте, я совсем здорова... Я не за тем... Вот видите ли, у меня муж купец и каждый день пьян... Ах, не могу, не могу!

– Успокойтесь, сударыня, и расскажите все по порядку...

– Муж каждый день пьян, а у нас есть приказчик, но никакого внимания на меня не обращает, так нельзя ли какого-нибудь корешка или снадобья?..

– Понимаю, понимаю... Вы влюблены, и влюблены несчастливо... Значит, вам нужно приворотного...

– Да-с, – чуть слышно отвечает дама и выбрасывает из кулака на письменный стол четвертную бумажку.

Доктор косится на бумажку, хмурит лоб и говорит:

– Что ж, это можно... Конечно, это средство неверное, но все-таки попробуйте. Чем ваш муж торгует?

– Да у них скипидар, вохра и все эдакое... Шубный клей есть.

– Прелестно. А приказчик брюнет или блондин?

– Брюнет и даже с сизым отливом, как вороново крыло, а на шее родимое пятно и около глаза царапина.

– Царапина? Еще того лучше. Прописывать лекарство я вам не стану, а вот дам леденец, возьмите и кладите ему каждый день в чай по кусочку, да чай подавайте сами, а через неделю зайдите сюда.

Доктор вынимает из стола витушку ячменного леденца, завертывает в бумажку и подает ей.

– А мне все есть можно? – спрашивает дама.

– Все, все до капельки!

Входит купец в сибирке.

– Что у вас? Чем больны?

– А вот, извольте ли видеть, в поясах щемит и как бы что под сердце отдает, ну и голову крутит, словно как бы кто тебя поленом съездил! Явите божескую милость, полечите хорошенько, за благодарностью не постоим, – кланяется купец.

Доктор глубокомысленно закусывает нижнюю губу.

– Покажите язык... Больше, больше! Чего вы боитесь? Я не откушу! Объялись, верно?

– Это точно-с. Действительно, третьего дня на похоронах у одного подрядчика блинов двадцать съел, потом это хмельная антимония началась, пуншевую сырость разводили... и все этакое... не оставьте нас, грешных! Верите ли, разогнуться не могу! И в баню ходил, и перцовкой терся...

– Снимите сибирку и лягьте на диван.

Купец жалобно смотрит на доктора и ложится. Доктор начинает мять ему спину, спрашивая:

– Не больно? Не больно?

Купец кряхтит и стонет. Доктор напирает еще сильнее. Купец вскакивает.

– Ага! Проняло? Отлично. Я пропишу вам лекарство, но прежде всего вам нужно сидеть на диете.

– А где эту деету купить-то можно? В мебельной лавке, что ли?

– Да что же, по-вашему, диета-то – мебель, что ли! От пищи воздерживаться надо! Один суп с булкой есть. Чай пить жиденький с белым хлебом... Лягьте еще, я вас смеряю...

Доктор лезет в шкаф с инструментами и для пущей важности начинает перебирать хирургические инструменты. Вот достал акушерские щипцы. Мелькнула сталь на солнце. Купец пугается.

– Батюшка, ваше высокоблагородие, увольте от этого! Не дамся! Нельзя ли так! Вдвое заплачу! – вопит он.

– Ну, бог с вами! Только для вас освобождаю... Да главное – насчет еды остерегайтесь. Пирогов не ешьте.

Доктор пишет рецепт. Купец лезет в карман и достает синенькую.

– Так и щец, и пирожка с капусткой нельзя?

– Нельзя.

– И с морковью невозможно?

– Невозможно.

– А с рысью и с яйцами?

– Нельзя.

– А с творогом или вареньем?

– Да нельзя же, говорю вам!

– А насчет хмельного былья? – робко спрашивает он.

– Пейте, только умеренно!

– Вот насчет этого спасибо!

Купец лезет снова в карман, прибавляет к синенькой еще целковый, раскланивается и уходит.

На Фонтанке

Сквозь тонкий лед ледакольной майны на Фонтанке провалилась пробегавшая собака. Она жалобно визжала и билась, стараясь выкарабкаться из воды, но тонкий лед обламывался под ней, и она снова падала в воду. Визг ее был пронзителен и раздирал душу. На набережной стал останавливаться проходивший народ. Толпа быстро увеличивалась. Слышались соболезнования, но спасти собаку никто не решался.

– Утонет, – говорит полушубок. – Как пить даст – утонет.

– Нет, выкарабкается, – отвечает другой, – как до твердого льда дойдет, так и выкарабкается. Вишь, как визжит-то жалобно, будто человек! А спасти можно. Стоит только доску накинуть.

– Идет на пару пива, что утонет?

– Ах ты, душевная! Умирать-то тоже не хочется, – вставляет слово баба.

Стоящий рядом купец хмурится:

– Душевная! Нешто про пса можно так говорить!

– А все-таки блажен раб, еже и скоты милует. Ах, как визжит-то, сердечная! Братцы, да что ж вы так-то стоите. Можно багор подать, петлю накинуть...

– У меня полушубок новый... Мальчик, зайди вон на плот-то, да помани ее будто булочкой...

– А хорошая собака... Это, надо статья, польской породы. На охотника так рубль целковый даст.

– Ври больше! Нынче польские-то собаки ничего не составляют. Вот ежели бы лягаш был!.. Да и вовсе это не польская, а водолаз, потому у водолаза этого самого в лапах перепонка...

– Водолаз! – передразнивает солдат. – Ты видел ли водолазов-то? У нас у поручика водолаз был, так тот у дверей на лестнице в колокольчик звонился. Схватит зу-бьем за колокольчик да и позвонится. Капут! Поминай как звали! Нет, вынырнула!.. А теперича ежели ее спасти, лучший друг будет.

– Это точно... – замечает чуйка. – Теперича у нас в Ямской у извозчиков собака... на каретном дворе... Гусляк один держит, так у него теща... ну и козел от домового взят... Так эта собака все с козлом... На Масленице стала это она печь блины... а сам он пошел в трактир...

– Эх, как вое! Даже слушать жалостно! Видно, со щенятами!

– Нет, мужской нации... Со щенятами давно бы ко дну пошла. Только эта самая теща... Нет, что я?.. собака...

С дрожек соскакивает проезжавший бородач в золотых очках, расталкивает народ и подходит к перилам.

– Что тут такое? – спрашивает он.

– Собака тонет, ваше высокоблагородие...

– Так что же вы стоите и не спасаете! Эх вы! А еще православные! Как вам не стыдно за свое бессердечие!.. Да знаете ли вы, что даже само общество покровительства животным за это награды назначает. Ведь у собаки так же, как и у человека, жизнь, ведь она так же мучается... Вон доски на спуске валяются, тащите их за мной. Господа, я честью вас прошу...

– Нет, сунься-ко сам, коли тебе жизнь дешева, – раздается со всех сторон. – Да у нас тоже дело есть... Нам прохлаждаться из-за собаки невозможно...

– Почтенные, помогите барину!.. Отчего собаку не спасти, коли возможно... – упрашивает какая-то женщина.

– А ты стегани сама прежде... Тонуть будешь, так по крайности карналин поддержит, а мы в полушубках по-топорному...

На льду раздается пронзительный вой. Бородач в очках подбочивается.

– Так не хотите вы честью, распроканальи, архибестии? – кричит он. – Где городской? Я вас!..

Два мужика снимают шапки. Некоторые пятятся.

– Не хотите, ракалии?.. За мной, анафемы, коли так!

Раздаются крепкие слова. Несколько полушубков бегут на спуск и поднимают доски. Ругательные слова звенят в воздухе. Откуда являются энергия, воодушевление! Крючник распоясывается и подает веревку. Доски положены на лед, веревка закинута, и собака спасена. Вот она отряхивается от холодной воды и робко смотрит на окружающих. «Ура!» – раздается на набережной.

– А ловко нас пробрал барин... хороший такой... ласковый... Не обругай – ни за что бы собаку не спасли... – говорят мужики.

Вдали показывается городской.

Перед праздниками

Лавка в Александровском рынке. Страстная неделя. Приказчики – кто убирает товар, кто занимается с покупателями. В конце прилавка стоит большой чайник с чаем, завернутый в старое байковое одеяло; на чайнике уместился серый кот и греется. Хозяин на пороге и по временам раскланивается с проходящими мимо знакомыми покупателями. Рядом с ним лавочный мальчик; он косится на хозяина и звонким дискантом выкрикивает название товаров. Около хозяина останавливается купец с подстриженной бородой и здоровается.

– Откуда? – спрашивает хозяин.

– Из думы. Ведь наше дело тоже подрядное, – отвечает подошедший. – Вот теперича эти самые мостовые мостить... грязь свозить. Оказия! Ну, как торгуете?

Хозяин машет рукой.

– Какая теперь торговля на Страстной... Обстоятельный покупатель скрылся, потому у него по домашеству занятие, а идет ежели, так шишгаль... Кому, к примеру, нехватка чего, или для подарков, или только что жалованье получил, а то и к ростовщику что спулил. Теперичный покупатель – горечь.

– Это точно. А нет ли у тебя ситчику какого ни на есть поплоче? Крестница у меня есть, так ей подарить надо. У швейцара крестил... Славная девочка. Подросточек, знаешь, ну так уж рядиться-то хочется... Нет ли чего из завали аршинчиков двенадцать?

– Как не быть! Толкнись к молодцам – покажут.

Купец входит в лавку и говорит:

– Комиссия это тоже перед праздниками! Тому дай, тому сунь... Всего оберут... Теперича у нас – трубочисты, из бань народ – все лезут, а отказать нельзя!

В лавке стоят покупатели: чиновник в фуражке с кокардой и его жена. Перед ними нарыт товар.

– Ну, Васеньке на рубашку купили, Манечке на бурнусик тоже... – говорит жена. – Вот Марфе надо бы платок к празднику подарить. Она такая услужливая, расторопная. У Петеньки зубки шли, так все ночи с ним маялась.

– Ну, что платок! – отвечает муж. – Действительно, она женщина расторопная... Нужно ее чем-нибудь получше наградить. На платье ей купить, что ли? Нет ли у вас ситчику какого погнилее, так, совсем плохенького? – обращается он к приказчику.

Приказчик раскладывает ситец.

– Ну нет, это не годится: у меня почти такой капот есть. Что ж кухарке в одно перо с барыней рядиться, – произносит чиновница.

– Нет ли у вас какого-нибудь совсем линючего, – добавляет муж. – Сами знаете, кухарке подарить надо. Действительно, она такая старательная... Теперь у нее посуда в кухне, самовар – жаром горят... Вы не стесняйтесь, господин торговец, показывайте... Хоть бы ежели мышами проедено было, и то ничего...

Далее в товаре роются два мужика и баба. Один мужик потребовал от ситца образчик и жует его, пробуя, слиняет краска или нет.

– Нет, родименькие, это все не то, не тот манер... – говорит баба. – Теперича перед тем как Митрофану Игнатьичу окриветь, так наезжала сюда Анисья... вот ситец так ситец брала она! Травка, а на травке букашка, и промеж всего вавилон городками...

– Эх, тетка, видно, вам птичьего молока требуется! Даром только топчетесь да от дела отбиваете, – с упреком говорит приказчик. – Нешто это модель столько товару нарыть! Ну, чего зря нюхаешь! Бери вот этот манер! Тут и зелень, и маков цвет! Пойдешь по улице, так бык бросится, корова за траву примет! Ну! Что топчешься, словно слепая в бане! Решай! С людей четвертак аршин, а с тебя двугривенный.

– Да мне бы, миленький, волдыриками хотелось, а чтоб на волдырике жук...

Приказчик выходит из терпения.

– Волдыриками! Вот как хвачу куском по затылку!.. Вчерашнего дня, видно, требуется!..

– Земляк, земляк! Что ты! Мы купим! – останавливают его мужики.

– Купим! С собой ли деньги-то? Лешие эдакие! Черти! Право, черти! Вы думаете, здесь деревня? Здесь Санкт-Питербурх!

– Ну, режь, режь пять аршин на полечку! Вишь, как раскудахтался!

Входит нарядная дама. У дверей останавливается ливрейный гайдук с покупками.

– Нет ли у вас платков, какие обыкновенно простолюдины покупают? – говорит она. – Я всегда беру в английском магазине, но мне сказали, что у вас дешевле. Знаете, эдакую безвкусицу... Чтоб и зелень, и желтизна, и красный цвет...

– Есть, ваше превосходительство, – отвечает приказчик, наклоняя голову набок и из учтивости как-то проглатывая слова.

– Понимаете, что-нибудь азиатское...

– Поняли, ваше сиятельство!

– Чтобы разительно действовало на грубый вкус мужика...

– Будьте покойны, ваша светлость! Пожалуйте!

– Доброты не надо, краски могут быть линючие, только бы подешевле...

– В самый раз будут. Пожалуйте!

– Ежели шерстяные, то могут быть и молью съедены...

– Потрафим! Пожалуйте!

– Мне, знаете, кухонную прислугу и дворников к празднику наградить, так чтобы им нравилось.

– Останутся довольны! Пожалуйте.

Приказчик выкидывает на прилавок платки. Дама вооружается лорнетом и начинает рассматривать товар. Гайдук косится и отдувается. Лавочный хозяин дает мальчишке подзатыльник и кивает на даму. Мальчишка бросается со всех ног и подает даме стул.

Канун Пасхи

Страстная суббота. Десятый час вечера. В квартире многосемейного купца Треухова пахнет запеченной ветчиной, лампадками. В гостиной, перед простеночным зеркалом, стоит лукошко с окрашенными яйцами, четверговая жженая соль в банке, пасха с изюмом и кулич с бумажным розаном. Лавочные мальчишки собираются все это нести святить, приютились в прихожей перед зеркалом и усердно мажут себе головы деревянным маслом. Сама, то есть хозяйка, суетится с кухаркой в кухне около печки и торопливо говорит ей:

– Ну уж это ты, Матренушка, справь как следует, а меня пусти одеваться! Того и гляди, к заутрене опоздаешь.

Около нее, держась за подол платья, стоит ее маленький сынишка и облизывается.

– Мама, дай мне кусочек... – упрасивает он.

– Нельзя, душенька, грешно теперь – это скоромное; потерпи до утра, а то поп заставит себя на кочерге возить.

Хозяйские дочки то и дело перебегают залу, держа над головами по вороху туго накрахмаленных юбок.

– Ты будешь после заутрени с приказчиком Иваном христосоваться? – спрашивает одна сестра другую.

– Ни за что на свете! Мне стыдно. Он на Вербной неделе подарил мне сахарное сердце с ликером внутри. А ты?

– Я только разик, да и то сжавши губы. Мне кажется, Катя, что он влюблен в меня. В Вербную субботу он встретился со мной в коридоре и сунул мне в руки пряник с надписью «любовь».

– Ври больше! Это он тебя за меня принял, потому дело впотьмах было.

– Пожалуйста, не заноситесь насчет вашей красоты! Я уже давно рассказала, что у вас левый бок на вате.

– Дура!

– От дуры слышу!

Молчание. Хозяйские дочки начинают на себя навьючивать юбки.

– Ну, а со старшим приказчиком, Ананьем Панфилычем, похристосуешься как следует? – снова спрашивает старшая.

– Само собой. Ведь он старик, да к тому же у него в деревне жена есть. Ведь эти поцелуи ровно никакого чувства не составляют.

Сам пока еще в халате, сидит в зале у стола около лампы и роется в старом календаре. Мимо пробегает сама.

– Ты бы, Лазарь Калиныч, оболокался, – говорит она. – Одиннадцатый час. Опоздаем, так после и в церковь не влезем. Что за радость с мужиками стоять да тулупы нюхать!

– Сейчас. Дай только найти, в котором году у нас большое наводнение было. Первую холеру нашел, пожар в Апраксином тоже... У меня спор с Николаем Кузьмичом. Завтра придет христосоваться, а я ему и преподнесу. У нас в это наводнение сторож Калистрат утонул.

– Не воображаете ли вы, что я завтра со всеми вашими сторожами христосоваться буду? – кричит из другой комнаты старшая дочка. – Мерси! Я уж и так в прошлом году все губы об их бороны обтрепала.

– Кто тебе говорит о христосованье! Я наводнение ищу. Вот как выдерну из-за божницы пук вербы! Чего на ссору лезешь?

– Ах, скажите, как вас испугались!

Хозяйский сын, молодой франт, ходит по комнате и напевает «Светися, светися, новый Иерусалиме!».

– Это в каких смыслах вербу? – спрашивает он.

– А чтоб постегать!

– Следует. Она давеча на мою новую циммермановскую шляпу села.

Из другой комнаты доносится голос другой дочери:

– Папенька, да уймите Володьку! Он у меня целую банку помады на свою голову вымазал и теперь кота помадит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.